

Захар Николаевич Бабяк

За жизнь...

Стихи. Просто стихи

12+

Захар Николаевич Бабяк

За жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67339422

SelfPub; 2022

Аннотация

Наконец-то, мои преданные и многочисленные читатели заждались сей умопомрачительной премьеры! Встречайте – сборник "За жизнь". Тут всё, что вам нужно в жизни. Полезнее, чем 11 лет школы и 5 лет ВУЗов!

Захар Бабяк

За жизнь

Как поменять Россию?

Сидят на кухне три парниши
С пивными кружками в руках
И спорят без цензурной ниши
О политических делах.

Один из них, что пьяный самый,
Тряся плешивой головой,
Пил и закусывал салями,
Чтоб сразу не уйти в запой.

Второй был трезвым, но щеками
Легко до пола мог достать.
Он все размахивал руками,
Когда не дали доедать.

И третий, что студентом был,
Сидел и в сотый раз зевал,
О теме говорюв забыл
И потихоньку засыпал.

А за окном второй час ночи,
И город сон восьмой узрел,
Казалось, говорить нет мочи,
Однако, это не предел...

Парниша первый громко стукнул
В угаре пьяном по столу,
Затем он тихо что-то буркнул,
И начал долгую молву:

«Вот я недавно был в Париже
И видел уровень их жизни,
Скажу вам – наш гораздо ниже!
И мы, в сравнении с ними, киснем!

У них дороги лучше, да и платы
Уж выше наших за работу.
Едят лягушек и бататы, -
Живут, не зная ни заботы.

Почти у каждого есть дача,
И не домишко, а шато.
Единственная их задача -
От кутюрье купить пальто!»

Студент продрал глаза сонливо,

Глотнул из кружки и сказал:
«Ты прав! Вот где живут счастливо!
Вот где беды никто не знал!

А я недавно ездил в Вену
Мне институт путевку дал.
Я там учился по обмену,
Язык немецкий изучал.

Вильгельм, знакомый мой австриец,
С которым дружбу я завёл,
В свои-то двадцать лет партиец
И дом огромный приобрёл.»

Второй, что толще, сидя слушал
И иногда ещё кивал.
Он молча и с улыбкой кушал,
За всеми рыбу доедал.

Доев, он начал речь толкать
О том, что всем Россия хуже.
«И в чем проблему нам искать?
Залог хорошей жизни нужен!»

Вдруг тот, что пьяный, засиял
И медленно стал говорить:

«Чтоб край Родной хорошим стал,
Россию надо изменить!

Вот лично я считаю, честно,
Что штрафы надо всем поднять,
Чтоб грех свой страшный и нелестный
Наш гражданин смог осознать.

И будет меньше хулиганов,
И чистота в народ придёт,
Ну а на дно страны карманов
Немного денег упадёт.

Тогда повысят нам зарплаты,
Налоги снизят в краткий срок.
Мы будем счастливы, богаты,
И миру придадим урок.»

И в миг тот толстячок чихнул,
Прикрыв огромный рост рукой,
Он встал и морду сполоснул
Из крана льющейся водой.

Затем, подтершись полотенцем,
Вернулся наш герой к столу.
Он откусил кусок от перца,

Ну а затем и пастилу.

Спокойно прожевав еду,
Толстяк вид принял очень важный:
«Пожалуй, друг мой, ты в бреду.
Не важен капитал бумажный!

Вся сила точно не в деньгах,
И далеко не в чистоте.
А в наших любящих сердцах
И в душах, в самой глубине.

Не надо много нам платить,
От этого мне аж противно.
Нам нужно Родину любить
И защищать ее активно.

Чтоб дети наши знали землю,
Что кормит их который век!
И, вечным сном когда мы дремлем,
Не развалил все человек.

А нынче дети – просто ужас,
В них не живет тот патриот.
Европу слушать удосужась,
Все делают наоборот.

Поэтому, как я сказал,
Нам надо Родину любить,
Чтоб русский дух всем показал,
Что значит свой народ ценить.»

Студент, все слушавший советы,
Решил свои слова сказать:
«Неверны ваши все заветы!
Пора глаза вам открывать!

Неужто вам и непонятно,
Друзья мои, о курсе дел?
Скажу уверенно и внятно,
Орлицей доллар вверх взлетел!

От этого и вся проблема,
Что цены быстро ввысь ползут.
Идеи ваши, и дилеммы,
В народе умном не поймут.

Все знают, где же ключ к успеху -
На Западе! Простой ответ.
Задача дипломатам к спеху -
Америке сказать: «Привет!»

Когда наладим мы контакты,
Тогда-то мы и заживём,
Подпишем нужные контракты,
Икру хоть завтра зажуём!

Быстрее надо нам мириться,
За океаном есть наш друг!
Нам незачем на дне таиться!
Все развиваются вокруг.

Одна лишь Русь сидит и тухнет
Лампадой тлеющей в углу.
Без Запада все быстро рухнет,
Уйдёт вся Родина во мглу!»

Они кричали, матерились,
Стучали кружкой по столу,
Об стены головою бились,
В угаре пьяном, как в дыму.

А я лежал квартирой выше
И слушал этот диалог.
Хотелось сделать тише, тише,
Но, к сожалению, не смог.

Тогда, одев халат махровый

И тапки цвета хризантем,
Отправился я вниз багровый,
Помочь-ка в смене этих тем.

Я позвонил, и мне открыли:
Спросили кто я, что пришёл.
Я им ответил, и впустили
В свой политический костёл.

Я тоже начал речь держать,
Они, что странно, все молчали.
Их начал смело упрекать -
Как будто гонор весь украли.

«Поймите, парни, – начал я, -
Не прав никто из вас, конечно.
Победа в споре тут ничья,
Как ни орите бесконечно.

Не штрафы и не патриоты,
Не Запад, даже не Восток
Нас не улучшат. Идиоты
Стране вогнали сталь в висок.

Спасибо нашим идиотам!
За то, что могут рассуждать,

О том, каким быть патриотом
И как страну управлять.

Советую я вам, ребята,
Одуматься и замолчать,
Попить чайку с лимоном, мятой,
А пиво так не попивать!

Страну улучшить можно просто:
Не обсуждая, а любя
И действия дадут нам роста...
Начни менять страну с себя!

Начни не говорить, а делать!
Хотя бы с самых мелочей.
Увидишь ты, страну мы сделать
Способны чище и сильней!

Нам надо грязь не разводить
В лесу, на поле, – где угодно!
Культуру речи возродить,
Ведь сквернословить же не модно.

И так, помалу, понемногу,
Страну мы сможем вновь поднять.
Не стыдно будет перед Богом,

Да и народом отвечать!

* * *

Глухая ночь. Сажу на кухне.
Передо мной горит свеча,
Она и вспыхнет, и потухнет,
Сквозняк поймавши сгоряча.

Глухая ночь. В квартире тихо,
И я сажу один, грущу:
То бормочу сурово, лихо,
А то зевок я отпускаю.

Глухая ночь. Весь город спит,
И сап его немного слышен.
Фонарь сонливо в мгле горит,
И блеклый свет его возвышен.

Глухая ночь. Мои глаза
Устали бегать по окошку.
Часы мои как егоза,
Все отмеряют понемножку.

Глухая ночь. Скупой слезой
Мой глаз ресницу орошает.

Она блестит во мгле ночной,
Своим же блеском мне мешает.

Глухая ночь. Припоминаю
Что разошёлся я с тобой.
Не отпустил, не забываю,
Готов я быть навеки твой.

Глухая ночь. Я помню слёзы,
Я помню тушь твою текла.
С тобой мы жили только в грезах,
Любовь скрепить нас не смогла.

Глухая ночь. А ты кричала,
Последний шанс давала мне.
Мне сложно начинать сначала,
В твоём был крике как в огне.

Глухая ночь. И чемоданы
Перекатил через порог.
Ты всё кричала неустанно,
Всё сетуя на мой порок.

Глухая ночь. Я с тротуара
Глядел на силуэт в окне.
И бледный свет из будуара

Твой силуэт скрыл в пелене.

Глухая ночь. Я помню руки,
Нежнее их не знаю я.
Теперь сижу, томлюсь от скуки.
Тоской страдаю бытия.

Глухая ночь, спаси, родная,
Попробуй страннику помочь.
Застрявшему в начале мая.
Спаси его, глухая ночь.

* * *

Я стоял одиноко на сером перроне
И в тиши услышал заповедный гудок.
И была ты в конечном девятом вагоне,
Но меж нами из рельса и шпалы порог.

В руке моей пышный, огромный букет,
И двадцать пять роз тебя трепетно ждали.
Скорее бы поезд прошёл тот пикет,
Скорей бы друг друга с тобой мы обняли.

Неделя разлуки для меня была адом,
Не мог без тебя я спокойно дышать.

Мне нужно, чтоб запах твой был всегда рядом,
Чтоб мог я признание на ухо шептать.

И вот моя пятка стучит по брусчатке,
Колено дрожит, и темно в голове.
Не мог я упрятать волнения повадки,
Успокоиться мог теперь только в молве.

И встал у перрона тот поезд зелёный,
Из окон я слышал: «Эй, дверь отвори!»
Проводник, теми криками явно смущенный,
Готовился выволить люд из Твери.

Я стоял, как дурак, предо мной эти
розы,
Глазами я бегал по окнам большим.
Внутри были люди в причудливых позах,
Но не было той, кем был вроде любим.

И вот, наконец, открываются двери,
Толпа запотевшая в город спешит.
Народу там было совсем не по мере,
И тамбур, как банка консервов, забит.

Наконец вижу ту, голос чей оглушает,
Чья улыбка заставит идти по ножам,

Слово чьё без ружья всех мужчин убивает, -
Красота эта шла по купейным рядам.

Я готовлюсь морально, наконец-то ты грянешь!
Наконец-то услышу я голос родной!
Глубиной синих глаз на лицо моё глянешь...
Но меня сбило с ног, ведь с тобой был другой.

Ты его обнимала, глаза загорались,
Он держал чемодан, погрузившись в мечты.
За плечо его нежно рукой ты держалась,
И вы счастливы были – мои мысли пусты.

А народ из Твери выходил из вагона,
Вот и ты выходила, парня за руку взяв.
И букет мой упал на брусчатку перрона,
Перестал он быть пышным, лепестки потеряв.

Я не верил глазам, я не верил судьбе,
Я стоял и смотрел, как горят все мосты.
Но не буду искать я спасения в мольбе,
Посмотрю лишь на то, как ведёшь себя ты.

Вы меня увидали, я смотрел вам в глаза.
На секунду ты встала, слегка обомлев.
Тихо я развернулся, прогремела глаза,

Не терплю я по жизни таких королев.

Никогда я не думал, что простой город Тверь.
Разлучить нас с тобою сумеет, родная,
И теперь я скажу, ты уж точно поверь:
Твое место займёт совершенно другая.

Вот прошёл ровно год, я гулял вдоль канала,
Любовались мы с Дамой ночной красотой.
И она мою руку так крепко держала,
Что желаю я каждому Дамы такой.

И тебя я увидел, ты гуляла одна,
Твои слёзы блестели под светом фонарным.
Иди куда хочешь, ты мне не нужна.
Теперь я пройду мимо, как прошла ты когда-то...

* * *

Водитель. Полночи забвение.
Вдвоём молчим мы: я с тобой.
Такси и заднее сиденье -
Всё это наш ночной прибор.

Мы едем тихо, и ни слова
Не проронилось с наших уст.

Лишь только долго и сурово
Рычит мотор. Внутри я пуст.

На город ночи сквозь окошко,
Любуясь видом, смотришь ты.
Я на тебя гляжу немножко,
Ты мой источник красоты!

Твои глаза блестят неоном
Летящих мимо нас реклам.
Лицо бордовым пышет тоном.
Мы делим тишь напополам.

Твоя рука лежит устало,
В моей ладони взяв приют.
И сердце биться перестало
Мое на несколько минут.

Мои глаза твои поймали
На перепутье грёз любви.
С тобою счастье обретали
Мы в эти поздние часы.

Моя душа уж захотела
Остаться навсегда в раю.
Где ты, твои глаза и тело

Судьбину берегут мою.

Ладони наши прикасались
Друг к другу, изредка трясясь.
С тобой бы на всю жизнь остались
На том сиденье, не боясь.

Но вот настал момент прощания,
И твой подъезд светил во мгле.
Сказал тебе я: «До свидания!»,
Сильнее всех прижав к себе.

Моя рука твою пустила,
И ты ушла, захлопнув дверь.
И было видно – ты грустила.
И я грустил, ты лишь поверь!

* * *

Прости меня, моя родная!
Тебя не встречу никогда.
Прости меня, я уезжаю.
Я уезжаю навсегда.

Тебе ни слова не сказал,
За что теперь прошу прощенья.

Но уж покинул я вокзал,
И не видать мне возвращения.

Теперь стою я на границе,
Границе края своего.
Вокруг меня чужие лица,
Я плачу – нету твоего.

Мне грустно, я теперь один,
Тебя в моих руках не будет.
В фуражке чёрной господин
Мой заграничный паспорт крутит.

Я буду помнить наши дни,
Когда бок о бок вместе были,
И видели друг с другом сны,
И в вальсе медленном кружили.

* * *

Сижу один за столиком у входа,
Вокруг меня и шум, и гам, и крики.
Все веселятся, двигаются бодро.
Сильнее люстры светятся улыбки.

И много радости на этих добрых лицах,

Они гласят: «Дай Бог так жить всегда!»
Не нужно этим людям драться, злиться,
Не жизнь, а сказка – счастья череда!

Официанты прытко бегают по залу,
Подносы в их руках зажаты крепко.
А остальным веселья будто мало,
Особенно тому, в червонной кепке.

Народ доволен, каждый гость веселый,
Блестит при свете ламп посуды глянец,
Один лишь я, как дед, – унылый, квёлый.
Но объявили громко: «Все на белый танец!»

И вот душа моя трепещуще завывала,
Ну почему же нет со мной любимой?
Ты счастье наше хрупкое разбила,
Хотя считал тебя всегда своей родимой

Я помню, как с тобой мы проводили
И дни, и ночи. Сутки напролёт.
Гуляли вместе, под руку ходили,
На самолёте помню наш полёт.

Я счастлив был... А знаешь, что я помню?
Как в этот ресторан частили мы.

И разговаривали о любви так томно,
Что о тебе лишь были мои сны.

И в этом ресторане я с тобою танцевал,
И ты царапала паркет дубовый шпильками своими.
Каждый вечер проводили, будто это сказки бал.
Эх, помню это время! Мы тогда ещё любили.

Теперь сижу один, и сердце выскочить желает.
Смотрю на тот паркет, смотрю я на других людей.
И крепкий алкоголь мои страдания утоляет.
А люди те – любимы, словно пара лебедей.

Я буду помнить аромат духов прекрасных,
Которым похмелялся каждый божий день,
И в танце взмахи тканей платья красных,
И талию перетянувший твой ремень.

Мне жаль, что в жизни больше не смогу коснуться
Твоих точёных плеч, изящной талии твоей.
И не смогу я в мир любви прекрасный снова окунуться.
Пожалуй, только тризна сделает меня живей.

* * *

Есть что-то, что нельзя измерить,

Чего увидеть нам нельзя.
А в это можно лишь поверить,
По жизни трепетной идя.

Мы это можем испытать,
По телу дрожь пройдёт экстазом,
И можно будет нас пытаться,
Если сего лишиться разом.

И чувство это, словно зубья
Впивается под кожу людям.
Сидит там долго, беспробудно,
Пока мы счастливы не будем.

И пусть оно нас режет томно,
Пускай мечтает истязать.
Александрийскую колонну
Сверну, чтоб это испытать.

Такая боль приносит счастье,
Тебе не нужно будет слов.
Она спасёт нас всех в ненастье, -
И имя этому – любовь.

* * *

Любил тебя я очень долго,
Любил так сильно – не представишь.
С тобою молвить было долгом,
Ты радость мне легко доставишь.

Шло время; вот зима прошла,
Весна шагает к завершению.
Огонь угас. И ты ушла,
Ушла, введя в недоумение.

Забвение долго проходило,
Сначала с грусти я страдал,
Поздней легче становилось,
Я потихоньку забывал.

Но вот и наступил момент,
Когда нам встретиться пришлось.
Себе сказал: «Беги, студент!
Есть шанс, чтоб что-нибудь срослось!»

И я, как в мыслях приказал,
Бежал по улице широкой,
Уверенность в себя вселял,
Но все случилось так жестоко...

Тебя увидел в центре сквера,

И ты была в аффекте сильном,
А запах был, конечно, скверным,
Зато пальто казалось стильным.

Открыто, с радостью глазах,
Я начал говорить с тобой...
Какой великий был размах,
С которым ты ушла долой!

Твои слова были пустыми,
Вопросы были без ответов,
Конец. Мы все давно остыли.
Нам не писать с тобой Заветов.

Ты говорила не со мной,
А лишь с уже пустым инстинктом,
Язвить я начал над тобой.
Ужасно, в стиле ироничном.

Мы очень скромно попрощались,
На сердце с камнем я ушёл,
Без удовольствия общались,
Я зря себя туда повёл.

Я для себя подвёл итоги:
В тебе так много укоризн,

Мне не с тобой делить дороги
Под пафосным названием «Жизнь»...

* * *

Твои глаза блестели в свете фонарей,
А волосы немного развевались вместе с бризом,
И не было момента в жизни этого чудней,
И каждое мгновение для меня было сюрпризом.

Как жаль, что прямо сейчас ты уезжаешь на такси,
Ну а пока стоишь, надев на плечи мой пиджак.
Твой взгляд довольно грустный и немножечко плаксив,
А я глазею на тебя и не признался. Как же так?

«Послушай, – начал я – мне надо кое-что сказать...»
И ты стояла, ожидая поворота бытия,
«Ты знаешь, дорогая, не могу я больше ждать!
Ведь я давно хотел признаться, что всегда любил тебя...»

Меланхолия

Когда же снова я тебя увижу?
Моя любовь, ты б знала мою скуку!
Эту грусть я просто ненавижу,
Для меня она синоним слова «мука»

Твои глаза пленят меня жестоко,
В их цвет я окунаюсь, как в лазурь.
В тебе не вижу ни единого порока,
Без тебя по жизни будут сотни бурь.

Я краснею от румянца на щеках твоих,
Я белею от припудренного носа,
Хочу с тобою разделить мир на двоих,
Но пока ты для меня лишь в грезах.

Тебя боюсь я и в мечтах представить,
Ведь даже там ты нереальна для меня.
Любовь к тебе меня легко может исправить,
Тебя одну в толпе увижу среди дня

Надеюсь, что хотя б частицу жизни
Смогу с тобой я вместе провести.
Твой взгляд для меня равен укоризне,
И никогда не будет мне с тобой везти.

* * *

Пожалуй, это паранойя -
Пишу стихи для никого.
На деле же, простой слепой я,

Пишу, не видя одного.

Того прекрасного момента,
Когда зелёные глаза,
Как три миллиона комплиментов,
Спокойно смотрят на меня.

Такие для меня явления
Важны, поверьте же поэту!
Любого мягче косновения
Твоих ресничек пируэты.

Почему мне грустно? Я Отвечу:
Не достичь мне взгляда вещего!
Как только я его замечу,
Уходит он – дивиться не с чего!

Зелёный, добрый, томный взгляд
В больших и ласковых глазах
По мне стреляет, как снаряд,
Я превращаюсь в серый прах.

И улетучиваюсь в небо,
И я не нужен никому.
Но от рассвета до рассвета
О взгляде лишь одним молю...

Баллада о любви

Когда впервые встретился с тобой,
То ничего особого я даже не заметил,
Но когда поговорил, то меня пронзил в миг бой
Тогда-то красоту твою и ум благой заметил.

Смотрел я на тебя, как Икар смотрел на Солнце,
Я мог часами-сутками с тобою говорить,
Для меня была ты в светлый мир большим оконцем,
Которое смогло во мне так много изменить.

Время очень быстро пролетало мимо нас,
Оставляя чувства все за пазухой огромной,
Но настала вдруг разлука – прогремел тот страшный час,
И ты ушла так далеко, так и оставшись в веки скромной.

Мне очень сильно нравилось с тобой сидеть-общаться,
Даже будучи во многих километрах друг от друга.
Красоте твоей никак я не могу сопротивляться
Даже в этот день, когда мне без тебя ужасно туго.

А годы шли, причём они шли неимоверно томно,
Тебя я очень часто и с надеждой вспоминал,
Все стало крайне грустным, одиноким, монотонным,

Во сне видал глаза твои, спокойно лишь мечтал.

Как жаль, что страшный и ужасный след любви
Со временем летящим вдруг нещадно исчезает.
И я забыл тебя. Так нам обоим будет легче,
Корабль «Судьба» по жизни дальше уплывает.

* * *

О! Как же жаль,
Что ты не видишь этот стих;
Что ты не чувствуешь печаль;
Что буйный пыл давно утих;
Что снова не могу признаться;
Что меланхолик всел в меня;
Что в пропасть есть за что кидаться;
Что от полей свезли коня;
Что ты мне резко отказала;
Что мне не быть с тобой навеки;
Что мне реалии показала;
Что ты подняла мне все веки;
Что не будет больше жажды;
Что нет твоей любви ко мне;
Что не могу сознаться дважды;
Что ты теперь есть лишь во сне;
Что я тебя не позабуду;

Что ты меня теперь обходишь;
Что дивиться тобою буду,
Пока ты взгляд свой от меня воротишь...

Друг

Запах цедры апельсина,
Розы в вазе из стекла,
Свеча горит довольно сильно,
Что на краешке стола.
Скатерть хлопковая в клетку,
Две тарелки, два фужера.
Вилки, ножики, салфетки, -
Всё, как надо, по манерам.

Вдруг звоночек в домофон,
И дёрнулся сидящий я.
Зашипел динамик в тон,
Твой голос навестил меня.
Ушам моим так было сладко,
Что мой на время слух пропал.
Ты мне напомнила украдкой,
Чтоб доступ в дом тебе я дал.

Я покраснел, нажал на кнопку
И пристально глядел в глазок.

Затем присел на стул из пробки
И взгляд свой бросил в потолок.
Прошла минута, – нет звонка,
Да и шагов твоих не слышно.
Ведь громкий цокот каблука
Я различу в глухом затишье.

И вот, заветный в дверь звонок
Раздался, развалив молчание,
Затем послышался щелчок
Двери квартирной открывания.
И ты зашла, блестя глазами,
В мой холостяцкий бедный дом.
И мы обнялись. Я руками
Почувствовал холодный тон.

«Прости, я только на минутку...» -
Раздался гром из уст твоих.
«Должно быть, это просто шутка!» -
Ответил я, затем затих.
«Нет, почему же, я серьезно!» -
Ты продолжала быть ножом
«Да нет же! Это все курьезно!» -
Мне стало все казаться сном

«Ты глянь, что я тут приготовил!

Ты глянь на столик, на еду!»
Ее позыв меня расстроил.
«Прости, но скоро я уйду...»
«А сколько времени имеем?» -
Спросил я, брови опустив,
«Немного, но пока глазеем,
То я уйду, не закусив»

Намёк её я сходу понял,
На кухню быстро проводил.
Бокалы красным я заполнил,
Но твой отказ мне лишь светил.
Ты замотала головой:
«Прости, сегодня я не пью...»
«Да что ж за день вообще такой?» -
Промолвил я сквозь боль свою.

Ты вроде что-то даже съела,
Салат вкусила, а затем
Мелодия вдруг прозвенела:
Твой телефон, на нем «Армен».
«Алло, к тебе уже бежать?» -
И ты привстала резко вдруг
«Я кое-что хотел сказать...»
«Доскажешь, дорогой мой друг!»

Тогда не смог признаться я,
Точнее, просто не успел.
Теперь она уж не моя,
Другой к ней точно подоспел.
Я не расстроен, нет, ни чуть.
Судьба все пишет за меня,
Зачем чрез меру жизнь всю гнуть,
Когда появится одна твоя.

Вечер

Слабо слышное сопение
Уже заснувшего кота,
Визг от чайника кипения,
Под ним шипит, паря, плита.

Гул холодильника спокойный,
Треск лампочек чуть уловимый,
И мотылёк неугомонный,
Какой-то силою гонимый.

И Слышу я своё дыхание,
И Слышу шелест от ресниц,
Волос вечерних колыхание
И хруст изношенных ключиц.

Погас экран огромной плазмы,
Душа расслабилась, смирилась,
Прошли паршивые все спазмы,
Из-за которых днём бесился.

Пришло желанье почитать,
Глядеть на буквы, предложения,
Страницы пафосно листать:
И Ждать нирваны продолжения.

Но за окном уже темно,
Автомобили ездят тихо,
Я погружаюсь в сон-кино,
И голова клонится лихо.

Казалось бы, что помешать
Такому вечеру могло?
Все шло спокойно, не спеша,
Но погрузился мир во мглу.

Ресницы с веками снижались,
Смыкаясь мерно перед глазом,
Устало руки опускались,
И в сон я окунулся разом.

Нирвана вечера ушла,

Сменившись часом сновидений,
Теперь увидимся с утра,
Спокойной ночи, друг мой верный!

Быт

С утра проснулся,
Медленно протёр два глаза,
Взглядом в потолок уткнулся.
Опять не выспался, – Зараза!

Затем я встал, заправил одеяло,
Подушку хорошенько взбил,
А на душе стабильно вяло,
Мой сон меня не зарядил.

Яичницу поел я спешно,
Затем принял бодрящий душ
Все делал медленно, конечно,
Расплылся я как дамы тушь.

До места, не уснув, добрался,
Пошёл, поговорил с утра,
И в сон клонит, но я собрался,
Хотя поспать стоит пора!

Затем бодрее – так живем,
Урок уроком выжидая,
В конце концов домой идём
И расслабляемся, скучая.

Позднее ужин, телефон,
И вот одиннадцатый час ночи.
Скорей бы окунуться в сон,
Но организм мой сна не хочет.

В ночи уснул, кой-как поспал,
С утра, как выжатый лимон, проснулся.
И также медленно глаза продрал
И взглядом в потолок уткнулся...

* * *

oh, dear! I know you won't believe
And many men could say to you the same.
I didn't get to say, i can not live.
I hadn't say it already, it's a shame.

We spent much time in little tiny room
I told you many things about my soul.
But when I think of you, my heart has boom
I'm jumping in my home just like a ball

And many kilometres, miles divide us
So I can't share my feelings now with you.
I sit in KFC, at school, in Starbucks
And there's no you, so I am feeling blue

* * *

Лети, порыв моей души!
На юг, на запад, на восток.
И мысли донести спеши,
Эмоций освети поток.

Когда по Родине ножами
Врагов заклятых тени бьют,
Сомкнёмся же, друзья, штыками,
Спасём родные быт, уют.

И острова в Полярном море,
И лес сибирский, и Урал,
Калмыцкую пустыню, горы,
Неву, Амур и наш Байкал.

Поля пшеницы в чернозёме,
Камчатки сопки и Ишим,
Утёсы Енисея в дрёме –

Всё это вместе защитим!

И пусть попробуют вражины
На земли русские ступить,
Но наши вольные дружины
Их развернут и пустят в прыть!

И будут чистить белый снег,
Сверкая синими носами,
И красный цвет опухших век –
Вот так поступим мы с врагами.

Орёл двуглавый, подлети
И воцарись на ясном небе,
Врагов скорей предупреди,
И расскажи-ка им о снеге...

Воззвание к Родине

Пускай молодые с трибуны кричат,
Что нет у них Родины, нету страны,
А те, кто умнее, гневливо молчат.
А что говорить, коль такие сыны?

Страна на коленях, пора уж признать,
Но тут не виновна российская лень,

И не тёща, не Штирлиц и даже не зять,
А паршивые, мерзкие взгляды на день.

Для них – серый день от Москвы до Камчатки,
И денег им мало, и холодно жить.
Те меняют родные места, как перчатки,
Ну а я буду горд лишь на Родине быть.

Нам надо работать, всегда будет сложно,
По-честному. А либерал-крахобор
Для Родины славной всегда будет ложным,
Ему лишь бы делать всё наперекор.
Давайте же жить веселее, друзья!
Пусть нотою жизни восстанет мажор!
В России грустить и грешить, ну, нельзя!
Я гордо несу над собой триколор!

Между небом и землёй

Сверху народу обещают гарантии,
А хитрые люди, что хотят отдохнуть,
Теряют себя ради жизни у мантии,
Готовы обманывать и трепетать.

Как только у власти, набивают карман
И не знают об их грехах те, кто главнее.

Идут на подставы, идут на обман,
И нет наказания – они всё сильнее.

Обитают те люди чуть нижу небес,
Но при этом они не стоят на земле.
Пока все деньжищи ворует тот бес,
И власти, и люд простой тонут во мгле.

* * *

Скажу Вам, не скрывая, я уверен – я легенда!
Запомни же меня, запомни жизненный настрой!
Мой вечный позитив ещё при Ельцине стал трендом!
Все знают, что за радость жизни дам достойный бой.

Судить так должен каждый. Позабыть о негативе,
Идти по жизни (с радостью в руках) весёлым маршем.
Ребята, я тут есть – мы вместе, сделаем красиво!
А кто не согласится, тот останется же фаршем.

* * *

Пусть говорят тебе, что выглядишь прекрасно
И льстят, чтобы твоё расположение получить,
А я молчу в попытке свой восторг великий скрыть,
И все твои упрёки в мою сторону напрасны!

И если б мог сказать я, что творится на душе,
Твой слух закончился б от часового монолога,
И восхищение тобою спрячу глубоко в себе,
И не раскроется оно до написания монолога.

Твоя же красота, твоих одежды и нутра,
Меня, мой организм на день грядущий в дух приводит.
И радуешь меня ты аж от ночи до утра.
Люблю момент, когда ваш взгляд мою дорогу переходит.

Пускай другие трепетно строчат тебе стихи,
Пускай хоть под балконами трепещут серенады,
Запомни, дорогая, что в душу они тихи,
А мне ты Солнцем светишь, ну а большего не надо!